

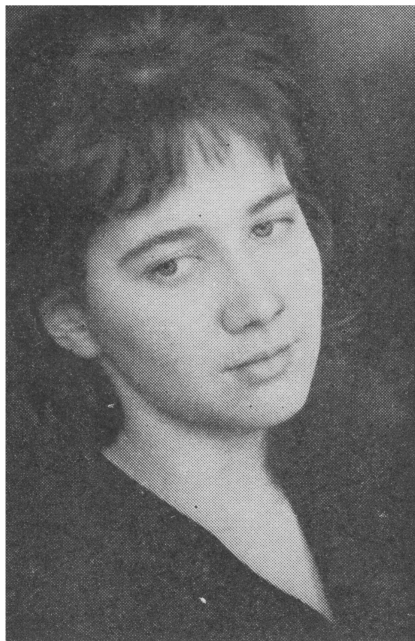
Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 2

1974

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

М О С К В А

В С Т Р Е Ч А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ВСТРЕЧА

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1974

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Лариса Николаевна Васильева родилась в Харькове, росла на Урале, училась в Москве.

По окончании Московского университета несколько лет работала в журналистике.

Она автор поэтических сборников «Льняная Луна», «Огневица», «Лебеда», «Синий сумрак». За книгу «Льняная Луна» удостоена премии московского комсомола. В 1971 году награждена орденом «Знак Почета».

Стихи Ларисы Васильевой переводились на болгарский, немецкий, английский языки в разных странах.

Лариса Николаевна Васильева ВСТРЕЧА

Редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

© Библиотека «Огонек». 1974 г.

Сдано в набор 23/XI 1973 г. А 00504. Подписано к печати 16/I 1974 г.
Формат 70×108^{1/32}. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,50 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 307. Заказ № 1498.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Сбежала с белого крыльца,
толкнула тяжкие ворота —
и даль ясна до поворота,
а кажется,
что до конца.

ЛЬНЯНАЯ ЛУНА

Соткана моя Луна
из зеленых веток хмеля,
из упругих ниток льна
да из русых прядей Леля.

Долго я Луну ткала,
огорчалась, волновалась,
нить за ниткою текла,
нить за ниткой обрывалась.

Подбежала я к окну,
и при всем честном народе
я повесила Луну
на огромном небосводе.

И стою, закрыв глаза:
обласкают ли,
осудят?
То ли ведро?
То ль гроза?
Что же будет?
Что же будет?

МОСКВОРЕЧЬЕ

Брусчатые заезженные плиты.
Мелодия часов.
Молчание церквей.
И елей голубеющие свиты —
придворные исчезнувших царей.
Пятнадцать лет.
Судьба моя в начале.
Весь мир — одно огромное окно.
На узеньком заплеванном причале
кого ждала я нынче — все равно.
Речной трамвай.
Мальчишки и старухи,
река темна, печальна и тиха
В огромном алюминиевом ухе
заварена словесная уха:
— Да здравствует!
Не обо мне ли это?
— Да здравствует!
О нет, не обо мне.
Последний луч сникающего света
идет по переливчатой волне.
— Я вас люблю!
Не мне ли это шепчут?
— Я вас люблю!
— Я тоже, но кого?
Взошла звезда.
Ее далекий жемчуг
застыл в проеме взгляда моего.

* *
*

И скошен поздний хлеб.
Закат прошел по сини.
Черным-черна земля,
и не видны межи.
Мы — дети трудных лет.
А кто в России
дитя нетрудных лет, скажи?

От серого дождя
устали луговины.
Горяч комок земли
в сомкнувшейся горсти.

Никто не виноват,
и все кругом повинны,
но некому сказать:
— За все меня прости!

Какой тревожный день!
Какой высокий берег!
Теченью вопреки плывущий плот.
Какой нелепый сон —
зачем-то стая белок,
согнувшись под дождем,
проходит реку вброд,

навстречу ей дугой
взлетает эстакада,
и падают во тьму
седые облака...
На, выпей, дорогой,
из тонкого стакана
прохладной и густой
надежды полглотка.

Нет, сердцу не отдать
тяжелого богатства:
все видеть самому,
ни слова не забыть,
и есть о чем рыдать,
и есть над чем смеяться,
и есть кого жалеть,
кого любить.

ТАНКИ

*моему отцу,
Николаю Алексеевичу Кучеренко*

Какие-то строгие тайны
из дому отца увели,
а вскоре по улицам танки
гудящей волной поползли.

Я прятала руки за ватник
и следом за танками шла,
не зная, что ожил тот ватман
с его заводского стола,

что ожил тот ватман, который
похитил отцовские сны.

По длинным людским коридорам
шли новые танки страны.
Мальчишечьи крики привета
неслись от ворот до ворот,
и женщина шла без жакета,
кричала:

— Победа идет!

И, стиснув руками упрямо
тугие перила крыльца,
о чем-то заплакала мама,
привыкшая жить без отца.

Я помню тот день потому лишь,
что вечером этого дня
среди старых, бревенчатых улиц
отец мой окликнул меня.
Мне даже теперь это снится,
как в тот незапамятный год
отцу разрешил отлучиться
домой оборонный завод,
как следом за ним я бежала
и в комнату нашу вошла,
а мама подушки взбивала,
а мама лепешки пекла,
смеялась то громко, то робко,
о том говорила, о сем...
Но стыла в тарелке похлебка —
отец мой уснул за столом.
А мать улыбалась все шире
и куталась в старую шаль...

Шли танки Т-34
в тревожную, трудную даль.

РАННИЙ МАРТ

Откололась неровная льдина
и неспешно пошла по реке.
Вот и жизни моей половина
от начала ее вдалеке.

Что взяла я с собою в дорогу,
без чего бы прожить не смогла?
Небо хмурится.
Нет, слава богу,
ничего я с собой не взяла.

Ничего не предвижу заранее.
Дальше смерти возможно ль заплыть?
Счетчик Гейгера в левом кармане,
позабыла, должно быть, забыть.

Что такое?
Не голос ли сына:
— Мама, мамочка, где же ты, где?
То не мать ли моя, Катерина,
наклоняется к черной воде?..

СТОРОЖКА

Стояла старая сторожка
на перепутье двух дорог,
жила в ней ветхая ворожка,
совсем слепая и без ног.

Был жидок суп в ее кастрюле,
но объективно волшебство:
тому — медаль,
другому — пулю,
той — жениха,
а той — вдовство.

Пришла я к ней тропой негладкой,
мятущейся среди лугов,
с неразлинованной тетрадкой
ненапечатанных стихов.

Тряслась, беззубая, безглазо
уставясь на мою ладонь,
молчала, а потом вдруг сразу
как зашипит:
— Гляди в огонь!

На рыжий пляс костра глядела,
не шевелясь и не дыша,
и отделялася от тела
замороженная душа.

Сквозь свет огня я увидала,
как, воспаленны и чисты,
на глади серого металла
взошли высокие цветы.

Один был бел, прозрачен, тонок,
другой сиренево-суров,
а третий розов, как ребенок,
четвертый алый, будто кровь.

Цветы росли с такою силой,
с непостижимой быстротой.
— А тот, голубовато-синий,—
сказала бабка,—
это твой.

Вишь лепесточек — цвета неба,
к нему душа твоя лежит,
а стебелечек — цвета хлеба,
о нем душа твоя болит.

Я руку в пламя — стебель хрустнул,
мне пальцы пламенем ожгло.
Все завертелось.
Стало пусто.
Потом прозрачно и светло.

Так это сон!
Окошко. Иней.
Подушек жаркий закуток.
Откуда этот, светло-синий
в моей руке зажат цветок?

* *
*

Что такое Родина?
Не знаю.
Государство?
Истина?
Земля?
С краю обхожу, не заминаю
синие горячие поля.

Вестники могучей вешней воли,
дерзко запевают соловьи.
А душа заходится от боли,
радости, отчаянья, любви.

*   *
*

Растекается молодость,
как вода по стеклу.
Разобщенность, размолотость
не проденешь в иглу.

Где суббота?
С кем пятница?
Гладкий отблеск в очках.
Вышла шестидесятница
на стальных каблучках.

Я ль всему проходящему
беспристрастный судья?
Своему настоящему
подсудимая я.

СТОГА

Лежат луга
лиловые,
Луна плывет,
кивая,
стоят стога,
медовые,
ржаные
караваи.
А кажутся мне
издали
особыми
дарами:
приветливыми
избами,
приметными
домами.

Огромная,
укромная,
диковинная
глыба —
спаси меня,
укрой меня,
согрей меня!

Спасибо!..

РУССКИЕ ИМЕНА

Нет, не из шелка,
не из ситца,
а из сурова полотна,
что на хозяйстве пригодится,
в России шиты имена.

Лукаво, ласково, степенно,
легко сплетается венок:
— Аленка,
Леночка,
Елена,
голубоглазенький Ленок!

Чу, ветер дунул:
— Дуня! Дуня!
А сам, юродивый, бегом.
Простоволосая колдунья
идет по лугу босиком.

Как спелый помидор со свеклой,
хозяева соседних гряд —
румяный Федор
с белой Феклой
на лавке рядышком сидят.

А им навстречу зов ненастья,
то затихая, то трубя:
— Спасите!
Утопилась Настя,
Ивана досмерти любя!

И пашет, пашет, пашет
Паша,
лишь пот стекает ручейком,
не уставая, машет
Маша
ему зеленым рукавом.

Привычно, ясно,
смутно, странно —
живут в России имена.
А степь по имени
Степана
однажды Степью названа.

ЛУННЫЙ ВЕЧЕР

...Я жил всю жизнь глухой мечтой о чуде...

Сергей Наровчатов.

Взошла сирень над белым палисадом,
тоскливая, счастливая кипень,
а вечер, напоенный звездопадом,
навек увел отбушевавший день,

а темнота в обнимку с тишиною
ушли, качаясь, в гулкий березняк.
Чудак поэт назвал луну женою
под смех людей и лаянье собак.

Но вот луна как будто покачнулась
и на глазах у изумленных всех
с небес сошла, назад не оглянувшись,
пришла к поэту, и умолкнул смех.

Захлопотали суетные лица,
засплетничали — всяк на свой мотив,
но поднялась высоко медунница,
собою тропы к дому зарастив,

где по ночам, в безоблачном безлунье,
от скудной повседневности вдали
цвела струна, кипело многострунье
и шла тропа от неба до земли.

Однако жизнь была жестокосердна
и вбила в полночь журавлиный клин:
луна ясна, свободна и бессмертна,
поэт — сын века, смутный, смертный сын.

Он вдруг забыл прохладные ладони,
в густую горечь губы окунул,
и голос переливчатой гармонии
тоскою дикой за душу рванул.

Она вернулась в середину неба
к законам солнц, созвездий и планет
и среди них с тех пор была нелепа,
вобравшая земного счастья свет.

Бессмертие мучительно и глупо:
века, века — зачем еще века?
Она светила холодно и скупое
с высокого, пустого потолка.

Никто не знал — ни люди, ни планеты,
что горячи холодные огни,
что луны плачут сладко, как поэты,
смеются так же горько, как они.

*   *
*

И как ни примеряю строго,
чтоб было все с ноги, с руки,
а вот ботинки жмут немного,
а рукавицы велики.

То из чего-то вырастаю,
а то никак не дорасту,
то сложность мира постигаю,
то постигаю простоту.

Уже морщина, как лощина,
на белом взгорье лба видна,
а жизнь — то клюква,
то малина,
то волчья ягода одна.

Живу.
Души не занимаю,
от жизни я не прячу глаз,
но ничего о ней не знаю,
и каждый день, как в первый раз.

*   *

*

Никто никому не подвластен,
а в чем-то по-своему слеп,
а тайнам свободы причастен
лишь тот, кто нам вырастил хлеб.

Однако плодами свободы
не сможет утешиться он
затем, что на долгие годы
высоким хлебам подчинен.

*   *

*

Прощай, учитель. Ты устал.
Дороги сочтены.
Давно заждался пьедестал
прямой твоей спины,

и переплетам невтерпёж
одеть тебя в сафьян,
а мне пока ещё хорош
холщовый сарафан.

Спасибо.
Больше мне нельзя
себя в тебе беречь,
прорезались мои глаза,
и прояснилась речь.

Неблагодарная?
Увы,
не ты ль учил меня
в покосе вызревшей травы
не упускать ни дня.

Прощай, учитель. Я вольна.
День ясен, бел и свеж,
я не боюсь идти одна
вдоль, напрямик и меж...

Весны проклюнувшийся зной.
Ветвей сплетенный жгут.
Шумит береза, ставши мной
на несколько минут.

И тополь тоненький продрог
на сквозняках жнивья,
и на асфальт моих дорог
ложится тень твоя.

* *
*

Люблю!
И все на свете смею.
Люблю!
И больше нет меня
Ты есть!
Скажи,
в огонь сумею,
живая выйду из огня.
Мир отступает суетливо,
под каблуком земля горит...

А мама смотрит сиротливо
и ничего не говорит.

ВСТРЕЧА

Была нечаянною встреча,
которую давно ждала, —
и дрожью охватило плечи,
и кругом голова пошла,

и закачалось светило,
и годы выпали из рук,
и время вспять поворотило
вспять не вращающийся круг.

И все смешалось, все смешалось:
весна бежала по зиме,
и лето снегу улыбалось,
и утро плавало во тьме.

Как прежде, мы стояли рядом,
как прежде, я была полна
твоей улыбкой, смехом, взглядом,
как прежде, я была верна.

Привычек мелкие детали,
обрывки позабытых фраз
над нами птицами летали,
ветрами обдавая нас.

Как прежде, предостереженье
не волновало нас ничуть,
а в небе облака скольженье
безоблачный чертило путь.

*   *

*

Я тебе снилась однажды
в самом расцвете весны.
Сны приключаются с каждым —
мы не в ответе за сны.

Часто приснится такое —
не разгадать — хоть умри.
Нынче за мною толпою
с криком брели фонари.

Чьи-то топча огороды,
я убегала в зарю.
Это все шутки природы,
я о другом говорю:

я тебе снилась — спасибо,
знать, тосковал обо мне,
мы наяву не могли бы
так говорить, как во сне,

вечно б стояли меж нами
совести злые права,
а не повитые снами
правды скупые слова.

Я тебе снилась, наверно,
в свете густой синевы,
смутно, счастливо, неверно,
как не бывает, увy.

*   *
      *

Сказала это слово
наконец,
будто скинула терново
связанный венец.

Где твоя былая робость?
Стаял след.
Где зияющая пропасть
в двадцать лет?

Легок взмах твоей походки,
голос тих —
вот и стали одногодки
хоть на миг.

На мгновенье между нами
никого,
лишь стихающее пламя
слова моего.

*   *
      *

Здравствуй!
Что смеешься без причины,
подходи к порогу моему.
Свет давно угаснувшей лучины
нас опять встревожит.
Почему?

Отзимуюем.
Будет снова лето
ворошить копенки на лугу.
Совестным предчувствием согрета,
снова Волгу переплыть могу.

Не кори, что я подчас в печали
забываю светлые слова,
вспомни: мы всегда с тобой молчали,
если закружится голова.

Я готова разделить с тобою
всю беду.
А радость — вся твоя.
Это называется судьбою,
а иначе не умею я.

*   *
*

Глаза твои синее,
чем воды у ручья.
А я тебя сильнее,
сильнее я.

За что мне это горе
дано судьбой —
не ты со мною в споре,
а я с тобой,

не я тебя ревную,
а ты меня,
когда заозорую,
иных маня.

Измучает дорога,
устану я —
не ты моя подмога,
а я твоя.

Уж сетуй ли, не сетуй —
все до поры,—
ручей впадает в Сетунь
с крутой горы.

*   *
*

Я вброд переходила реку,
мне было восемнадцать лет,
я улыбалась человеку,
которого на свете нет.

Красавцем был он иль уродом,
я не припомню, не пойму —
мне вся земля казалась бродом,
когда бежала я к нему.

Шел вечер.
И луна светила
лучом холодного огня,
и чем я ближе подходила,
тем дальше был он от меня.

Перепелица тонко плачет
свою пернатую беду.
Кто скажет, что все это значит —
я до сих пор к нему иду!

*   *
*

Все было — полет и паденье,
слепая попытка прозреть
и горькое это уменьье
от всякого счастья стареть.

Всегда мне беду приносило
желанье все сердцем познать.
О, эта проклятая сила,
что слабостью принято звать!

РОЩА

Здравствуй, синий вихрь из-за угла,
непутевый и неоткровенный,
я тебя искала во вселенной —
под своим окошечком нашла.

Потянулась следом за тобой,
захмелев, не спрашивая, кто ты,—
заплясали окон переплеты,
зазмеилась тень по мостовой.

Роща объявилась на пути.
Непонятым ведая секретом,
вся листва горела алым светом —
я не захотела обойти,

шла насквозь, вбирая жаркий свет,
вопреки вещественным законам,
вперекор добротворящим стонам,
собственному разуму во вред.

Деревя обуглились. А я
стала неожиданно прозрачна.
Синее виденье было мрачно
над лиловой россыпью репья.

Серый птах свободно и тепло
мне напоминал о том, что было,
я и без него не позабыла —
время шелестело и текло.

*   *
*

Кого-то кто-то ищет
в густом людском лесу,
аукает и свищет,
стирая с глаз росу.

Кого-то кто-то слышит,
на гулкий зов бежит,
и вот уж рядом дышит,
смеется и дрожит.

Но время рвет сурово
неправды легкий шелк:
кто звал, тот звал другого,
кто шел, к другому шел.

И возле поворота
в толпе людских забот
опять кого-то кто-то
отчаянно зовет.

*   *
*

Как будто и не было дыма,
назойливой пляски огня —
проходит сумятица мимо,
почти не касаясь меня.

И небо колышется мерно
над синей полоской окна,
и я одинока, наверно,
хотя не бываю одна.

Случайно узнала, отчасти
потом пожалела о том,
что тихая пристань — не счастье,
что стены и мебель — не дом.

Часы пересыпали время.
Поземка лениво метет.
Берез белотелое племя
неспешно куда-то идет.

*   *

*

В той земле, где живут однолюбы
и невпрок говорят соловьи,
упадали горячие губы
на прохладные руки мои.

Я тоскую по брошенной где-то
на скрещениих ночи и дня
полосе несказанного света,
где по-прежнему помнят меня.

Как я выдержу этот тревожный,
испытующий взгляд из-под век?
Воротиться туда невозможно,
не прийти туда — горе навек.

*   *

*

Восходят над туманами года,
и звон в ушах от гуда-перегуда.
И я иду,
не ведая куда,
чтоб возвратиться,
ведая откуда.

А мне еще метаться, и гореть,
и обжигаться прошлогодним снегом,
и, женщиной родившись,
умереть
испытанным, суровым человеком.

* *
*

Горбушку хлеба присоля,
иду раздать долги.
Не береги меня, земля,
судьба, не береги!

Земного рая четкий круг
обуглен и клыкаст.
Пускай меня обманет друг,
возлюбленный предаст,

пусть на горе в родном окне
погаснет сильный свет.
Но страха что-то нет во мне,
подобострастья нет:

всегда найдется дом, и печь,
и совестливый стыд,
и человек, кого беречь
мне сердце повелит.

МИХАЙЛОВСКОЕ

Л. Д. Гейченко-Сулеймановой

Мне там писать стихи негоже,
где даже тень Его, как свет,
где даже дерево похоже
на звонких слов печатный след.

Я помолчу.
Я видеть буду,
как утки плавают в пруду,
как моет женщина посуду
у экскурсантов на виду,

как ты идешь, копя тревогу,
как ищешь ландыши в траве,
и молча выйду на дорогу
и затеряюсь в синеве,

чтоб у Октябрьского вокзала,
внезапно вспомнив этот день,
и сердце глухо застучало,
и на асфальт упала тень,
не Та, кудрявая, а эта,
простоволосая, твоя,
и в миг один лучами света
засеребрилась толчея,

и медленно возникло слово,
мое, особенное, то,
что вроде бы ничуть не ново,
да не сказал еще никто.

*   *
      *

В. С.

О том, чего не досказали,
доскажут ветры вместо нас,
и хуже нашего едва ли
неточный будет их рассказ.

Они овеют высшим светом
поступков наших имена
и точно назовут поэтом
того, кому была дана

самой природою капризной
власть — никому не подражать,
Россию чувствуя Отчизной,
планете всей принадлежать,

кто знал, что совестное слово
таит бескрайние миры,
с кем часто жизнь была сурова
и выводила из игры;

кто был не слишком знаменитым
и о бессмертье не мечтал,
кому не страшно быть забытым
и не взойти на пьедестал,

того... не ведая покуда
о будущем, он так живет;
злодейку любит,
верит в чудо,
от времени поступков ждет,

лишь ночью, при порыве ветра
забеспокоившись слегка,
как дон Сервантес Сааведра
из слов сплетает чудака,

сплетая, смотрит виновато
сквозь пыльное стекло окна.
А ветер все зовет куда-то,
а даль во мраке не видна.

МАНЕКЕН

Кому-то верить.
Или ждать,
что вдруг тебе поверит кто-то,
о ком-то думать и гадать
давным-давно прошла охота.

И стало просто верить всем,
вернее,
всем не доверяя,
заветных не касаться тем,
легко волнение смирять.

Разочарованность свою
облечь пустым очарованьем
и, стоя жизни на краю,
своим гордиться дарованьем:

так тайно,
так сокрыто быть
и так отчетливо казаться,
ничто на свете не любить,
любовно до всего касаться.

Сей бесподобный манекен
всегда к любым готов услугам:
дает взаймы,
берет взамен,
прикинуться умеет другом —

прошу пожаловать к нему —
наличностью никто не платит.
Спокойно,
все по одному,
его на всех с лихвою хватит.

*   *
*

*И даль ясна до поворота,
а кажется, что до конца...*

Я все пересказала сказки
и все позамела пути,
чтоб к неожиданной развязке
неотвратно подойти.

В ручье настойчиво и глухо
с камнями говорит вода.
Напрасны откровенья духа,
но невозможна немота.

Всему вселенскому виною,
отдать готова жизнь свою,
пред миром, как перед войною,
настороженная стою.

И до конца видна дорога,
и путь просвечивают весь
три тени, как подобье Бога:
Былое,
Будущее,
Днесь.

ПИСЬМА ИЗ АНГЛИИ

*   *
*

На острове чужом
манит необычайно
случайной встречи дом,
его глухая тайна.

Вошла и вышла я,
немного мне сказали,
но тайну бытия
узнала я едва ли.

Что вынесла?
Налет
пустого впечатленья,
улыбок сладкий лед
и со следами тленья

дежурные слова:
— Спасибо,
извините...
А в небе синева
и солнышко в зените,

и хочется бежать,
а возле поворота
лукаво задержать
случайного кого-то,

и вздору подчинив
свое предназначенье,
смеяться, изменив
привычное течение

реки своих забот,
но возле поворота
чужая жизнь течет
и не моя забота...

* *
*

...не будет снега никогда...

А. М.

О, нет, жестоким человеком
я не хочу Вас называть,
ведь Вы покончили со снегом,
чтоб слово в рифму написать.

А я заброшена судьбою
в тот Лондон,
где когда-то Вы,
довольны будучи собою,
на лоне стриженной травы

сидели, чувствуя усталость,
а может, бодрость — все равно.
Какой-то снег.
Такая малость!
Заиндевелое окно.

Снегирь.
Повиснувшая льдышка.
Из теплых губ мучнистый пар.
Зачем со мною Ваша книжка?
Она, увы, жестокий дар:

живу под серыми дождями,
ничем в чужбинах не горда,
всечасно с Вашими словами:
«Не будет снега никогда».

* *
*

В разлуке воля злей и суше,
отчетливей видна беда,
а вопль:
— Спасите наши души! —
невесть к кому, невесть куда

лишь потому, что непонятен
чужой земле — орлом летит
туда, где будет слишком вятен
и на столетья не забыт.

Не от припадков ностальгии
умру среди чужих людей —
она была со мной в России
еще отчаянней и злей,

она вела меня сквозь годы,
учила сложное решать,
остерегала от свободы
построенное разрушать.

Минувших лет глухие стогна
врывались эхом в грохот дня,
а избы, вросшие по окна,
чего-то ждали от меня.

ЧУЖБИНА

Мир напрасно так ярок и полон
отвлечений от тягостных дум:
белый хлеб хоть и мягок, да солон,
а восторженный говор и шум—

это лишнее напоминанье
о разлуке, разлуке, разлу...
Вянет в кадке цветок-Ожиданье,
лунный отблеск разлит на полу.

И еще одиноче от света,
от веселий людских и тепла,
словно я к ним с далекой планеты
непонятно зачем забрела.

* * *

Лети, шальная птица,
не слушай никого.
Зажжет крыло зарница —
как не было его.

Ты радости хотела,
но встретила беду,
а все-таки взлетела,
узнала высоту.

СНЕГ НА ОСТРОВЕ ДЖЕРСИ

Здесь в годы фашизма были концентрационные лагеря. Под страхом смерти прятали англичане советских людей, бежавших из лагерей. На острове есть памятник нашим и англичанам, погибшим в те дни.

Не нужно напрасных догадок и версий,
вчера и сегодня сличив,
тот памятник мертвым на острове Джерси
достаточно красноречив.

Как жили на вид суховатые люди,
таившие пленных в домах?
Преследовал бешеный грохот орудий
и самый естественный страх;

паучья, холодная черная лапа
за волосы ночью берет,
и хрипло-пронзительный голос гестапо
про смерть за укрытые орет.

А в темном подполье,
в промозглом подвале
пермяк и рязанец вдвоем...
Спасенный спасителю сможет едва ли
поведать о чем-то своем.

Но люди в войну и без слов понимали,
что хочет сказать человек.
Одно непонятно — зачем тосковали,
когда вспоминали про снег

те двое?
И даже запомнили слово —
на острове Джерси оно
звучит как экзотика севера: «snow»¹
легко, непривычно, смешно.

Когда долетали победные вести,
сиял притаившийся дом.

---

¹ «Snow» — снег (англ.).

Но были те двое
расстреляны вместе
и вместе зарыты потом.

Сплелись над землею высокие травы
и долгие гимны поют,
но мертвым не надобно собственной славы —
безмолвен их вечный приют.

Прошло тридцать лет.
Еще живы иные,
кто прятал, кто помнит, кто смел.
Их кружат дела и заботы дневные —
у каждого разный удел.

Случается всякое в жизни планеты,
бесчисленны кольца на пнях,
но главное в жизни для каждого где-то
осталось в тех горестных днях.

Присядет старушка на теплый приступок,
коснется прохладных перил.
Ужели она совершила поступок,
который ей жизнь озарил?

Да, память тех дней не смиряет разбега,
тревогой сердца веселя,
и странно волнует подобие снега,
когда зацветут тополя.

* * *

Надежде Крюковой.

Нет ничего короче жизни нашей,
и ничего на свете нет длинней.
Стою перед наполненной чашей —
не сосчитаю, сколько капель в ней.

Вчера была отпита половина,
казалось горьким сладкое питье,
прощала мне родимая равнина
любое откровение мое.

Остались там находки и потери,
все, что сбылось, чего могло не быть,
и все замком подчеркнутые двери,
какие не успела я открыть.

А здесь весна.
В ее дорог распустья
своей тропы я не вплету нигде,
могу лишь только взглядом отдохнуть я,
готовясь к новым счастью и беде.

И все вокруг — одна чужая книга:
сначала любопытно к ней прильну,
потом, как в детстве, под влияньем мига
в конец неосторожно загляну,

потом, прочтя, переберу события,
пронизанные взглядом, как лучом,
замру во власти странного открытия:
да я тут совершенно ни при чем!

Но чаша, ординарная посуда,
случайно мной сюда завезена,
и с ней как раз и приключилось чудо:
опять, как прежде, до краев полна.

В ней горькие настои Подмосковья,
в ней крепость, что по силам только нам.
И, верною отравлена любовью,
бесстрастно я гляжу по сторонам.

* *
*

Искавши истину за морем,
увы, не многое найдешь:
столкнешься с чьим-то чуждым горем,
опустошенье обрешь.

Прекрасное всегда далеко,
как безответная любовь.
Об эту истину жестоко
обрежешься, свернется кровь.

На память остаются шрамы
и сомкнутый молчаньем рот.
Но продолжай твердить упрямо:
— За морем истина живет!

Иначе, что тебя подвигнет
на подвиг правды и добра,
иначе сердце не постигнет,
как сила духа нестара,

иначе ты живешь напрасно,
в груди не ощущая зла...

Но только близкое прекрасно,
прости,
я это поняла.

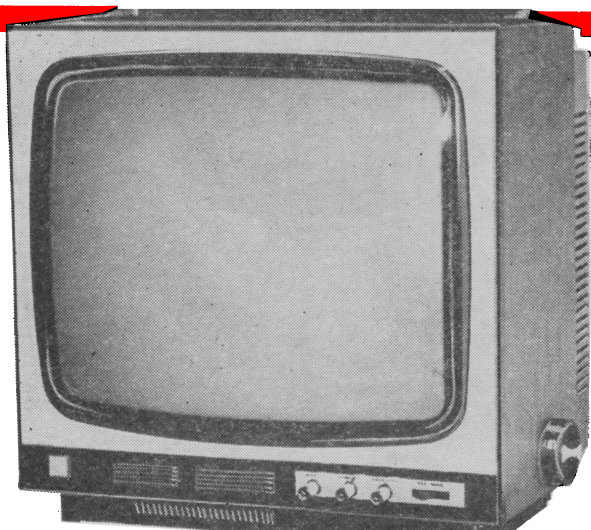

СОДЕРЖАНИЕ

«Сбежала с белого крыльца...»	3
Льняная Луна	3
Москворечье	4
«И скошен поздний хлеб...»	4
Танки	5
Ранний март	6
Сторожка	7
«Что такое Родина?..»	8
«Растекается молодость...»	9
Стога	9
Русские имена	10
Лунный вечер	11
«И как ни примеряю строго...»	12
«Никто никому не подвластен...»	13
«Прощай, учитель. Ты устал...»	13
«Люблю!..»	14
Встреча	14
«Я тебе снилась однажды...»	15
«Сказала это слово...»	16
«Здравствуй!..»	16
«Глаза твои синее...»	17
«Я вброд переходила реку...»	17
«Все было — полет и паденье...»	18
Роша	18
«Кого-то кто-то ищет...»	19
«Как будто и не было дыма...»	19
«В той земле, где живут однолюбы...»	20
«Восходят над туманами года...»	20
«Горбушку хлеба присоля...»	21
Михайловское	21
«О том, чего не досказали...»	22
Манекен	23
«Я все пересказала сказки...»	24

Письма из Англии

«На острове чужом...»	25
«О, нет, жестоким человеком...»	26
«В разлуке воля злей и суше...»	26
Чужбина	27
«Лети, шальная птица...»	27
Снег на острове Джерси	28
«Нет ничего короче жизни нашей...»	29
«Искавши истину за морем...»	30

**«СТАРТ-308» —
ТЕЛЕВИЗОР, ИМЕЮЩИЙ ЭКРАН СО СПРЯМЛЕННЫМИ УГ-
ЛАМИ, РАЗМЕР КОТОРОГО 50 см ПО ДИАГОНАЛИ.**

● УЛУЧШЕННАЯ ТОЧНОСТЬ настройки, простая и на-
дежная система переключателя программ, отдельный выклю-
чатель сети — вот некоторые из достоинств лампово-полупро-
водникового телевизора «Старт-308».

● СВЕРХУ ИМЕЕТСЯ удобная ручка, которая хорошо гар-
монирует с корпусом телевизора и позволяет легко перестав-
лять его с места на место.

● «СТАРТ-308» — находка для тех, кто летом берет теле-
визор на дачу!

Основные данные: размер изображения — 394 X 308 мм, чув-
ствительность — 100 мкв, выходная мощность звукового канала — 1 Вт,
потребляемая мощность — 140 Вт, размеры — 480 X 511 X 380 мм, вес —
28 кг, цена 230 руб.

Центральная коммерческо-рекламная
организация «Радиотехника».